

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-155-164

EDN: WCSMJY

Гуманитарное импортозамещение: о некоторых итогах и актуальных задачах российского обществознания*

Т.А. Хагуров

Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

(e-mail: khagurov@mail.ru)

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена фундаментальными общественно-политическими трансформациями последних лет, связанными с обострением сложного комплекса культурных, цивилизационных и, как следствие, интеллектуальных противоречий России с западным миром. Эти противоречия заставляют как российское общество, так и отечественное обществоведение подводить итоги, рефлексировать по поводу результатов последних тридцати лет и пытаться прогнозировать сценарии будущего, в том числе интеллектуальные. Цель статьи — попытка обобщения некоторых итогов развития отечественного обществознания в постсоветский период и обсуждения (по крайней мере приглашения к таковому) возможных контуров его дальнейшего развития в соответствии с изменившейся логикой общественных процессов. В статье обозначены как достижения отечественной социогуманитарной мысли в постсоветский период, так и накопившиеся проблемы, прежде всего, утрата интеллектуальной самостоятельности, связанная с некритичным заимствованием и догматизацией многих интеллектуальных моделей западной мысли, часть которых создавалась для понимания иной, отличной от российской, социокультурной реальности, а часть изначально носила характер интеллектуального оружия, направленного против СССР (России). Автор предлагает в качестве возможного ориентира дальнейшего развития концепцию «гуманитарного импортозамещения», которая должна реализовываться на принципе избегания крайностей: с одной стороны, некритичного отрицания общезначимых достижений западного обществоведения и гуманитаристики, с другой стороны, догматизации идей отечественных социальных ученых. В качестве одного из ресурсов такого «замещающего» развития автор указывает пока в существенной степени не использованный аналитический и объяснительный потенциал отечественной литературной традиции, способной в современных условиях выступить в роли теоретико-методологической основы многих социальных и гуманитарных моделей и концепций.

Ключевые слова: обществознание; социология; интеллектуальные достижения; догматизация; вестернизация; утрата интеллектуальной самостоятельности; наука и идеология; мотивы деятельности социального ученого

---

*© Хагуров Т.А., 2024

Статья поступила 20.01.2024 г. Статья принята к публикации 15.02.2024 г.

За тридцать постсоветских лет отечественное обществознание прошло интересный путь, накопив и безусловные достижения, и немалые проблемы, так что вполне своевременным представляется разговор о перспективах развития российской социальной мысли. Любые обобщения в отношении достижений и проблем, когда речь идет о трех десятилетиях жизни большой научной отрасли, будут неизбежно субъективными и приблизительными, поскольку слишком много отраслевых и тематических нюансов наблюдаются в развитии социологического знания. Однако несколько общих соображений кажутся уместными для постановки проблемы и приглашения к дискуссии.

К несомненным достижениям отечественной социологии следует отнести преодоление позднесоветского догматического марксизма, который не только примитивизировал марксизм (признанную глубокую социальную теорию), но и сдерживал развитие обществоведческой мысли в нашей стране. Теоретический горизонт российской социологии обогатился всем спектром направлений западной социальной мысли. Весь корпус классических и современных социологических знаний был с восторгом воспринят и усвоен отечественными социологами. Активизировалось международное сотрудничество, мы с интересом обменивались с коллегами из других стран идеями и практическими наработками. Произошла институционализация социологического образования, системы подготовки научных кадров и социологов-практиков, а также самой социологии как «барометра» общественных настроений и процессов. Все это (как и многое другое) — несомненные достижения.

Главной нашей проблемой стала утрата интеллектуальной самостоятельности. Вестернизация отечественного социального знания привела к некритичному принятию, подчас граничащему с догматизацией, западных теорий. Социальные и гуманитарные науки, в отличие от наук естественных, всегда идеологичны. В их основании всегда лежит определенная ценностная позиция (при всех декларациях объективности и отсылках к веберовскому «отнесению к ценности» [2. С. 545]) и конкретный социально-антропологический идеал. Эта идеологичность бывает выражена более или менее сильно, но она существует и почти всегда за ней стоит тот или иной политический проект. Например, «Открытое общество и его враги» К. Поппера [14] или «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт [1], на мой взгляд, гораздо более идеологически предвзятые работы, нежели «Капитал» К. Маркса [10] или «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленина [9]. Но дело не только в идеологических вкусах и пристрастиях, а в том, что мировоззренческая подоплека социальной теории может быть органична обществу, в котором получает распространение, и тогда теория помогает данное общество понимать, дает ему возможность решать свои проблемы и развиваться. А может быть неорганичной и даже враждебной, и тогда теория, не содействуя пониманию общества, будет требовать от него несвойственных его природе изменений, которые общество травмируют. К сожалению, это часто происходило со многими идея-

ми западной социальной мысли в последние десятилетия — они некритично и догматически воспринимались отечественными социологами.

Среди таких научных идеологем, не органичных нашей культуре и травмирующих общество, можно упомянуть экономоцентризм как основу анализа общественных процессов и опирающуюся на него догматизацию идей некоторых западных экономических школ, гендерный дискурс, ЛГБТ-повестку и защиту прав меньшинств, примитивизированный политический дискурс «демократия–авторитаризм–тоталитаризм», культурный релятивизм и мультикультурализм, идеи трансформации интимности и детско-родительских отношений, наконец, идеи устойчивого развития, цифровой трансформации, четвертой промышленной революции и инклюзивного капитализма. За всеми перечисленными (и рядом других) идеологемами стоят вполне определенные образы будущего мира и человека, не сочетающиеся с отечественной культурной традицией и существованием России в XXI веке.

Безусловно, историческое и социологическое знание тесно связаны, о чем писал еще М. Вебер [2]. Развитие знания о современности невозможно без опоры на знание об истории. Главной проблемой отечественной социологии в этом смысле стали последствия пережитой нашим обществом в конце прошлого века войны с собственной историей. Огульное, некритичное и необъективное очернение отдельных периодов истории, принявшее характер интеллектуальной эпидемии в 1990-е годы, грубое искажение фактов и политически ангажированная их интерпретация — все это нанесло обществу и отечественной социальной науке глубокую травму.

У любого сложного общества, объединяющего множество этносов и культур (именно таким — сложным, непросто складывавшимся является российское общество), существуют две важнейшие скрепы: общий язык и общая история. Соответственно, когда исторические (геополитические) соперники общества пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут главную войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. При этом нужно помнить, что история — всегда хранильница как хорошего, так и плохого: образно говоря, в шкафах истории любой страны хранится множество «скелетов» и прекрасных «жемчужин». Поэтому во всех без исключения странах, претендующих на историко-политическую субъектность, существуют две версии истории — публичная и архивная. Первая преподается в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая является объектом интереса профессиональных историков и в публичное пространство почти никогда не попадает.

Цель истории публичной (школьной) — научить будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Эта история формирует единую историческую память («любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» — историче-

ских трагедиях и ошибках, но она делает это деликатно, расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей форму социального геноцида) и не на поощрении пиратства (самый известный пример — Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, ее роли как объединительницы Англии и Шотландии, обеспечившей мировое могущество Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники подчеркивают просветительскую «миссию белого человека», воспетую Р. Кипплингом, а не факты беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. И в американских школьных учебниках (по крайней мере до недавнего времени), говоря о XIX веке, вспоминают войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимание на экономико-политической подноготной этой сложной и трагичной войны) и почти не упоминают массовый геноцид индейцев, приведший почти к полному уничтожению коренного населения. Исследование «скелетов» — удел истории архивной, редко выходящей в публичное пространство (что всегда сопровождается скандалом и общественным резонансом).

Трагедия России заключается в том, что наша страна единственная в новейшей истории пережила беспрецедентную по масштабу и накаленности войну с собственной историей, развязанную во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов. Обсуждение субъектов и режиссеров этой войны уведет нас далеко в сторону, поэтому остановимся на главном — ее сути, которая состояла в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытие «жемчужин». Причем «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в «шкафах», но и заботливо подобранные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Начав с обличения «исторических преступлений» И.В. Сталина и Л.П. Берии, перешли к глумлению над народными героями — З. Космодемьянской, А. Матросовым, А. Стахановым и т.д., затем последовала проблематизация русской истории в целом.

Вдруг оказалось, что русские — великий имперский народ, подаривший человечеству культурные сокровища (русская живопись, русская музыка, русский балет, русская литература, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм, — исторически заслуживают лишь одного — учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у российского общества проявились все симптомы культурно-исторической шизофрении, описание многочисленных примеров которой уело бы нас далеко в сторону от рассматриваемых вопросов. Последнее десяти-

летие породило тренд на восстановление нормальной исторической памяти, однако этот процесс далек от завершения, хотя без реабилитации собственной истории, возрождения национально-ориентированной исторической школы говорить о перспективах отечественной социологии бессмысленно.

Все сказанное выше о проблемах не следует толковать в духе сермяжного отвержения всего западного. В настоящий момент перед отечественной социологией стоит задача, творчески усвоив все идеи западной социологии, взять на вооружение то, что составляет внеидеологический общезначимый потенциал социальной науки, выделив то, что может способствовать лучшему пониманию российского общества. Другая задача — актуализировать собственные интеллектуальные наработки, существенная часть которых связана с русской литературной традицией, славянофильством и отечественной философией. Это огромный сюжет, требующий отдельного разговора, поэтому скажем лишь, что наша классическая литература (как и ее литературные наследники — М. Горький, М. Шолохов, В. Шукшин и многие другие) никогда не была средством развлечения публики, а представляет собой уникальный опыт глубокой аналитики проблем общества и человека, обладает мощнейшим философским, социологическим и психологическим содержанием. Научное освоение этого наследия, использование его наработок в социологическом знании — одна из актуальных перспектив развития российской социологической мысли.

При этом ошибочно было бы трактовать все сказанное как обвинение отечественной социологии в эпигонстве по отношению к социологии западной. Отдельные примеры исключительно глубоких российских разработок в области социального знания, к счастью, существуют [3–6; 8; 12; 13; 15]. Потенциал развития у отечественной социологии огромен, у нее есть все шансы, усвоив лучшее из мирового опыта, обрести интеллектуальную самостоятельность. Вопрос в целях социологии и социолога как носителя специфического знания. По-видимому, три главных мотива побуждают ученых изучать общество и социальное поведение: 1) чтобы эксплуатировать человека политически и/или экономически, обслуживая власть имущих; 2) чтобы свысока наблюдать за человеком, чувствуя интеллектуальное превосходство, и зарабатывать на этом (постмодернистские «языковые игры»); 3) чтобы сострадательно понять человека и помочь ему. Именно последний мотив органичен для российской интеллектуальной традиции, сформированной классической литературой и ее религиозными корнями.

И, наконец, последнее — о роли отечественной социологии в обеспечении когнитивной и ценностной безопасности общества и государства. Сегодня Интернет и его ресурсы (сайты, социальные сети, мессенджеры и т.п.), а также другие СМИ, стали одним из ключевых агентов социализации молодого поколения, не менее значимым, чем семья и школа, иногда превосходящим их по степени влияния на сознание и поведение подростков и мо-

лодежи. Глобальные цифровые платформы и сервисы превращаются в экосистемы, призванные сопровождать всю жизнь современного человека. Они опираются на так называемые ИКС-технологии (информационно-коммуникативно-социогуманитарные технологии), предмет которых — человеческое сознание и процессы мышления, понимания и интерпретации окружающей действительности.

Под когнитивной безопасностью понимается способность государства и общества сохранять собственную систематизированную картину мира и способность размышлять, понимать и интерпретировать действительность на основе упорядоченной системы знаний. Важнейшими элементами такой картины мира являются историческая память, ценностное и политическое сознание общества. Эти элементы опираются на процессы передачи и усвоения определенных знаний, формирования на основе этих знаний непротиворечивой картины мира, которая бы включала в себя понимание мира как политической и социальной системы, понимание своего государства и культуры как обладающих особым историческим путем и определенной спецификой, понимания своего места в мире и возможных стратегий самореализации — в основе всего этого лежат знания, которые должны быть переданы, усвоены, быть достаточно непротиворечивыми и позволять человеку интерпретировать окружающую действительность и себя в ней.

В результате нарушений в передаче и усвоении знаний под влиянием ИКС-технологий актуализируется система социокультурных угроз: утраты исторической памяти, «эрозии» традиционных ценностей, принятия чуждых культурных образцов, формирования мозаичного мышления и фрагментированной картины мира. Соответственно, первый вопрос национальной когнитивной безопасности — это управление знаниями, их передача и интерпретация на основе этих знаний окружающей действительности. Важную роль в противодействии указанным угрозам играет обществознание, в чьи задачи входит выявление и анализ рисков в сфере общественных отношений, сознания и культуры.

В последние десятилетия глобальные поисковые (Google) и справочные системы (Википедия) стали для молодежи доминирующими источниками знаний, однако они агрегируют информацию избирательно, в соответствии с определенными алгоритмами, заданными их хозяевами. Особую опасность это представляет для социально-гуманитарного знания и образования. Социальные и гуманитарные науки лишены той объективности, которая свойственна наукам естественным. Типичный пример — история, о деформациях которой говорилось выше, включающая в себя как исторические факты, так и их толкования. Эти толкования — главный предмет управления знаниями, хотя и конкретные факты могут искажаться, подменяться «фейками». На основе искажения фактов десятилетиями формировалась политика

«отмены» в отношении России, ее истории и культуры во многих зарубежных странах.

Особая категория знаний связана с формированием личности и передачей ценностей. Успешность воспитания в существенной степени зависит от согласованности воспитательных воздействий семьи, системы образования и популярного искусства (кинематографа, литературы и т.п.) — насколько согласованы эти воздействия, настолько целостную (или, напротив, фрагментарную) систему ценностей усваивает личность. Одна из главных проблем молодежного сознания сегодня связана с тем, что воспитательная роль школы и семьи оспаривается индустрией интернет-инфлюенсеров и массовым искусством. Основное содержание культурных посылов, которые эти лидеры мнений направляют аудитории, связано с формированием у молодежи ироничного отношения к традиционным ценностям (в том числе к патриотизму) и навязыванием ценностей потребления, эгоизма и индивидуализма [см., напр.: 11].

Все перечисленное — не столько объективные тренды развития информационного глобализированного общества, сколько инструменты и составные части гибридной войны, ведущейся против России и включающей в себя классическое военное, экономическое и информационно-психологическое измерения. В последнем максимально задействованы ресурсы социогуманитарного знания, поскольку информационно-психологическая война всегда преследует три основные цели: разрушить картину мира человека, лишить его способности адекватно понимать и интерпретировать действительность на основе искаженной информации и ложных знаний; разрушить ценности, подавить эмоции любви к родине и патриотизма, заместить их негативом и паникой; лишить людей способности к мобилизации и действиям, подавить их энергию или направить ее против своего государства.

Одним из главных принципов информационной войны является воздействие на специфические для каждого общества культурно-исторические «болевые точки». «Цветные революции» показали, что такими точками для обществ Ближнего Востока стали религиозные и племенные противоречия, для Украины — вопросы национального самосознания, для России — вопросы недоверия к власти, социальной несправедливости и социального протеста. В постсоветский период, на фоне управляемой актуализации исторических травм, обострились проблемы межэтнических и конфессиональных противоречий. С одной стороны, российское общество имеет длительный исторический опыт мирного сохранения этноконфессионального разнообразия, что помогает противоречия преодолевать. С другой стороны, их преодоление затрудняется разрушением общего ценностно-нормативного, социокультурного и идеологического пространства и недостаточностью предпринимаемых сегодня попыток его восстановления.

Отдельная группа угроз связана с пропагандой деструктивных и денормативных форм поведения, которую ведут многие лидеры мнений, в том числе работающие через цифровые платформы. Типичные примеры — Моргенштерн, Даня Милохин, Инстасамка и т.п. Все это коммерческие проекты, за которыми стоят стратегии управления через активизацию определенных (низменных) потребностей аудитории, коммерческую эксплуатацию девиантных форм поведения. Таким образом, вторая группа угроз когнитивной безопасности связана с деформацией ценностного сознания общества (прежде всего молодежи) в результате пропаганды порока и денормативных форм массового искусства.

Профилактическая и коррекционная работа с обществом в целом и его отдельными сегментами в этих условиях должна строиться по симметричным направлениям: формирование правильной картины мира, информационная поддержка, разъяснение «фейков»; работа с ценностями, культурно-нравственное воспитание и просвещение; организация повседневных форм деятельности, связанных с реализацией ценностной и гражданской позиции, патриотизма. Здесь объяснительный и прикладной потенциал социальных и гуманитарных наук оказывается критически важным для обеспечения устойчивости и жизнеспособности социума. При этом принципиальным остается вопрос о когерентности используемых теоретико-методологических подходов реалиям и социокультурным кодам российского общества. Следовательно, обсуждение как самой идеи гуманитарного импортозамещения, так и возможных подходов к ее реализации представляется своевременным и в чем-то даже запаздывающим.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М., 1996.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
3. *Голенкова З.Т., Голусова Ю.В., Орехова И.М.* Противоречия и проблемы модернизации социальной структуры современного российского общества // Россия реформирующаяся / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 17. М., 2019.
4. *Горшков М.К.* «Есть такая профессия — общество изучать // Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М., 2020.
5. *Зубок Ю.А.* Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3.
6. *Кравченко С.А.* Суверенное будущее России: запрос на инновационное управление сложными объективными и субъективными детерминантами // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 2.
7. *Кричевский Г.Е.* Введение в НБИКС-технологии // URL: <https://nbiks-nt.ru/2019/12/02/266>.
8. *Кургинян С.Е.* Исав и Иаков // Судьба развития в России и мире. М., 2014.
9. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. М., 2021.
10. *Маркс К.* Капитал. М., 1983–1986.
11. Молодежь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски взросления / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2021.

12. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. М., 2021.
13. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994.
14. Понпер К.Р. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., 1992.
15. Фурсов А.И. Оргазм богомола. М., 2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-155-164

EDN: WCSMJY

Humanitarian import substitution: Some results and current tasks of the Russian social science*

T.A. Khagurov

Kuban State University,
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia

(e-mail: khagurov@mail.ru)

Abstract. The relevance of the issues under consideration is determined by the recent fundamental social-political transformations associated with the exacerbation of a complex set of cultural, civilizational and, thus, intellectual contradictions between Russia and the West. These contradictions force both the Russian society and the Russian social science to reconsider the results of the last thirty years and to predict future scenarios, including intellectual ones. The article summarizes some results of the development of the Russian social science in the post-Soviet period and discusses (at least invites to a discussion) the possible contours of its further development according to the new logic of social processes. The article considers both the achievements of the Russian social-humanitarian thought in the post-Soviet period and its problems, primarily the loss of intellectual independence due to the uncritical borrowing and dogmatization of many Western intellectual models, some of which were created to understand a different social-cultural reality, and others were initially an intellectual weapon against the USSR (Russia). The author proposes the concept of “humanitarian import substitution” as a possible guideline for further development, which should be implemented on the principle of avoiding extremes: on the one hand, uncritical denial of the generally significant achievements of the Western social science and humanities; on the other hand, dogmatization of the ideas of Russian social scientists. The author considers as a resource for such “substitution” the largely untapped analytical and explanatory potential of the Russian literary tradition that can become a theoretical-methodological basis for many social and humanitarian models and concepts.

Key words: social science; sociology; intellectual achievements; dogmatization; westernization; loss of intellectual independence; science and ideology; motives of the social scientist’s activity

---

*© Т.А. Хагуров, 2024

The article was submitted on 20.01.2024. The article was accepted on 15.02.2024.

References

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Pod red. M.S. Kovalevoy, D.M. Nosova. Moscow; 1996. (In Russ.).
2. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
3. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V., Orekhova I.M. Protivorechiya i problemy modernizatsii sotsialnoy struktury sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Contradictions and problems of modernization of the social structure of the contemporary Russian society]. *Rossiia reformiruyushchayasya*. Vyp.17. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moscow; 2019. (In Russ.).
4. Gorshkov M.K. “Est takaya professiya — obshchestvo izuchat” [There is such a profession — to study society]. *Izbrannye statyi, intervyyu, biograficheskie otkroveniya*. Moscow; 2020. (In Russ.).
5. Zubok Yu.A. Izmenyayushchayasya sotsialnaya realnost: refleksiya teoreticheskikh i empiricheskikh aspektov sotsiologicheskogo issledovaniya molodezhi [Changing social reality: Reflection on the theoretical and empirical aspects of the sociological study of the youth]. *Nauchny Rezultat. Sotsiologiya i Upravlenie*. 2022; 8 (3). (In Russ.).
6. Kravchenko S.A. Suverennoe budushchee Rossii: zapros na innovatsionnoe upravlenie slozhnymi ob'ektivnymi i sub'ektivnymi determinantami [The sovereign future of Russia: A request for innovative management of complex objective and subjective determinants]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (2). (In Russ.).
7. Krichevsky G.E. Vvedenie v NBIKS-tekhologii [Introduction to NBICS technologies]. URL: <https://nbiks-nt.ru/2019/12/02/266>. (In Russ.).
8. Kurginyan S.E. Esau and Jacob. *Sudba razvitiya v Rossii i mire*. Moscow; 2014. (In Russ.).
9. Lenin V.I. *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma* [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. Moscow; 2021. (In Russ.).
10. Marx K. *Capital*. Moscow; 1983–1986. (In Russ.).
11. *Molodezh polietnichnogo regiona v nelineynom globolokalnom sotsiume: identichnost i tsennosti, zhiznennye strategii, riski vzrosleniya* [Youth of the Multiethnic Region in the Nonlinear Global Society: Identity and Values, Life Strategies, Risks of Growing up]. Pod nauchn. red. T.A. Khagurova. Krasnodar; 2021. (In Russ.).
12. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Schastie kak mezhdistsiplinarny konstrukt: varianty sotsiologicheskoy kontseptualizatsii i operatsionalizatsii [Happiness as an interdisciplinary construct: Ways for sociological conceptualization and operationalization]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*. Moscow; 2021. (In Russ.).
13. Panarin A.S. *Rossiia v tsivilizatsionnom protsesse (mezhdru atlantizmom i evraziystvom)* [Russia in the Civilizational Process (between Atlanticism and Eurasianism)]. Moscow; 1994. (In Russ.).
14. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Per. s angl. pod red. V.N. Sadovskogo. Moscow; 1992. (In Russ.).
15. Fursov A.I. *Orgazm bogomola* [Orgasm of the Mantis]. Moscow; 2021. (In Russ.).